

УДК 811.112.2'42:82–191

Левченко М.Н.

(г. Москва)

ИНВАРИАНТЫ ТЕМПОРАЛЬНО-ЛОКАЛЬНОЙ АРХИТЕКТониКИ
НЕМЕЦКОЙ ПРИТЧИ

Аннотация. В настоящей статье лингвистический анализ немецкой притчи направлен на определение и систематизацию временных и локальных отношений внутри притчи как грамматического типа текста на основе тех инвариантных признаков, которые формируют этот конкретный тип текста. Автор учитывает, что притча как жанр эпоса близка к басне, так как в глубинной структуре притчи обязательна «премудрость», которая обуславливается и религией, и моралью того или иного народа. Притча характеризуется отсутствием активного развития сюжета и характеристик героев, так как в притче не изображаются события, а, скорее, сообщается о них. В этой связи картина темпорально-локальных характеристик притчи воспринимается по-особому.

Ключевые слова: притча, архитектоника, темпоральность, авто-синсемантическая, двухсистемность, нулевая локальность.

M. Levchenko

(Moscow)

INVARIANTS OF TEMPORAL AND LOCAL ARCHITECTONICS
OF GERMAN PARABLES

Abstract. This paper presents a linguistic analysis of German parables aimed at defining and ordering temporal and local relations within the parables as a grammatical type of texts on the basis of the invariant attributes, which form this particular type of texts. The author considers that a parable belonging to the epic genre is close to a fable, as in its deep structure there is some “wisdom”, which is determined both by the religion and the morals of a nation. A parable is characterized by lack of active development of the plot and the characteristics of characters, which is due to the fact that a parable does not depict events, but rather reports them. In this connection, the picture of temporal and local characteristics of a parable is perceived in a special way.

Key words: parable, architectonics, temporality, auto-synsemantic, dual-system, zero locality.

Принято считать, что притча – представитель эпического жанра в литературе XIX–XX вв. – характеризуется предельной сжатостью главной

мысли, выразительностью языка. По-немецки слово «притча» звучит как *Parabel*, соответствуя синониму слова «притча» – *параболе*, пришедшему к нам из греческого языка (греч. *parabole*, от *parabollo* сближаю).

Великий В. Даль даёт следующее определение притче: «Это иносказание или иносказательный рассказ, нравоучение, поучение в примере, парабола, басня или простое изречение, замечательное, мудрое слово» [6, с. 453].

Литературная энциклопедия достаточно сжато определяет этот жанр: «Притча – дидактико-аллегорический жанр литературы, в основных чертах близкий басне» [4, с. 1986].

Притча как литературный жанр имеет ряд особенностей. К основным жанровым принципам притчи в современной литературе причисляют:

- дидактизм с явной или прикрытой нравоучительной интонацией;
- метафоричность и словесная игра со смыслом, ориентированная на смысловое уплотнение слова;
- лаконизм сюжетно-образительных средств при высокой концентрации содержания [1, с. 45].

Притча отличается отсутствием развитого движения сюжета. Поэтика притчи исключает описание природы, действие не сопровождается декорациями. Герои не имеют портретных описаний и указаний черт характера. Если кратко описать основное назначение притчи, то, по всей видимости, оно сведётся к вопросу: «Как надо поступать в той или иной ситуации?»

В этой связи притча обнаруживает интеллектуалистический и экспрессивный заряд, который и выделяет её как универсальное явление в мировом фольклоре и творчестве литераторов.

На рубеже XIX–XX вв. некоторые писатели усматривали в жанре притчи некую лёгкость реализации авторской идеи в сравнении с содержательной и формальной загруженностью литературы этого времени. На жанровые особенности притчи ориентировались писатели Ж.П. Сартр, А. Камю, Ф. Кафка, Г. Гёссе, Б. Брехт, Г. Грин, Р. Бредбери и др., работающие в жанре интеллектуального романа, а именно в одной из его жанровых форм, «романе-притче». Другое благоприятное условие активного использования поэтики притчи связано с развитием национальных литературных традиций в СССР в творчестве таких советских писателей, как Ч. Айтматов, А. Ким, В. Санги, Ю. Рытхэу.

Сегодня притча – довольно редкий жанр прозы, практически не служивший материалом для исследования среди лингвистов [1–3; 5]. Вот почему автор статьи обращается к языковой интерпретации немецкой притчи, определению и систематизации немногочисленных временных и локальных маркеров внутри притчи как грамматического типа текста на основе их инвариантных признаков.

Обратимся к особенностям **темпорального построения притчи**. Их четыре: 1. темпоральная детерминация событий или соотношение грамматического и объективного времени; 2. двухсистемность темпоральности притчи; 3. тип текста по виду темпоральности (наличие стержневой временной формы); 4. ретроспективные и проспективные характеристики текста притчи.

Итак, первый инвариант темпоральности притчи: соотношение объективного и грамматического времени в притче.

Соотношение объективного и грамматического времени в притче

Аналізу подверглись 35 текстов притч немецких авторов. С учётом темпоральной детерминации событий в этом типе текста были получены неожиданные результаты. Ориентировка читателя в притче во времени моделируемых событий достигается либо фоновыми знаниями читателя, либо обстоятельствами времени, когда события соотносятся с каким-либо временным промежутком, либо с определённым временем года, либо с месяцем или днём недели, названным в притче. Все эти временные маркеры не имеют чёткой датировки, они синсемантчны, то есть внутренняя минимальная хронология художественного мира притчи безотносительна к объективному времени.

«*Es war eine Zeit, wo die Menschen sich mit dem, was die Natur brachte, behelfen und von Eicheln und anderer harter und schlechter Kost leben mußten*» (M. Claudius. **Eine Parabel**) [7]. (В приведённом сегменте текста также указывается на время, когда жили древние люди.)

«*Wenige Tage darauf sagte ihm der Riese...*» (J.H. Pestalozzi. **Der Zyklopen-Schütz**) [7].

«*Vor Jahren lebte in einer grossen Handelsstadt tin Mann...*» (M. von Ebner Eschenbach. **Verlorene Zuversicht**) [7].

В приведённых примерах участвуют синсемантические временные сигналы *через несколько дней* или *много лет назад*.

Как и сказка, притча может начинаться как бы из небытия словами «жил да был ...» или «однажды...»:

«*Es war einma (жил да был – М.Л.) (l ein kleiner Künig) (E. Hörnte. Der kleine Künig und die Sonne)* [7].

«*Einst (однажды – М.Л.) aber, als er ihn aufmerksam betrachtete, sprach er: Ein wenig zu plump bist du doch!*» (G.E. Lessing. **Der Besitzer des Bogens**) [7].

В притче часто отсчёт времени ведётся от последнего события: *через год, через несколько дней* и т. п.:

«*Endlich, drei Abende später (через три дня – М.Л.), gelang es, den Dompteur einzufangen und zum Bürgermeister zu machen; seitdem herrschte im Ort wieder Ruhe und Ordnung*» (G. Kunert. *Zirkuswesen*) [7].

«*Nach einiger Zeit (через некоторое время – М.Л.) fanden die Wanderer einen einsamen Baum, unter dem sie sich lagerten*» (E. Hörnte. *Der Herr und sein Knecht*) [7].

«*Er ist ein Elend, sagte er nach drei Wochen (через три недели – М.Л.) zu seiner Frau ...*» (K. Marti. *Neapel sehen*) [7].

Таким образом, главной особенностью темпоральной архитектоники притчи следует считать отсутствие автосемантических маркеров времени, указывающих на детерминацию темпоральных отношений моделируемых в притче событий, то есть для притчи характерна нулевая темпоральная детерминация как типа текста в плане его грамматики, что связано с её жанровыми особенностями.

Второй инвариантный признак темпоральной организации притчи: временные подсистемы притчи.

Временные подсистемы притчи

подавляющее большинство проанализированных притч немецких авторов (71,5% текстов) представляет собой монологическую форму речи с нечастыми текстовыми сегментами диалогов персонажей, что указывает на односистемность темпоральной архитектоники притчи. Действительно, среди текстов притчи, подвергшихся анализу по данному инвариантному признаку, зафиксировано:

- 1) текстов с преобладанием речи автора – 12 притч (34%);
- 2) текстов с преобладанием речи персонажей – 1 притча (2,8%);
- 3) текстов, в которых речь автора и речь персонажей равны по объёму – 9 притч (25,6%);
- 4) текстов, содержащих только речь автора – 13 притч (37,5%).

Следующий пример иллюстрирует односистемность темпорального построения притчи, в которой есть только авторская речь:

«*Ein König baute einst einen großen und herrlichen Palast mit zahllosen Gemächern, aber nur ein Tor war geöffnet. Als der Bau vollendet war, wurde verkündet, es sollten alle Fürsten vor dem König erscheinen, der in dem letzten der Gemächer throne. Aber als sie eintraten, sahen sie, da waren Türen offen nach allen Seiten, von denen führten gewundene Gänge in die Fernen, und da waren wieder Türen und wieder Gänge und kein Ziel erstand vor dem verwirrten Auge. Da kam der Sohn des Königs und sah, dass all der Irrbau eine Spiegelung war, und sah seinen Vater sitzen in der Halle vor seinem Angesicht*» (M. Buber) [7].

Третий инвариантный признак временной системы притчи: стержневая форма повествования в притче.

Стержневая форма повествования в притче

Тип текста притчи по темпоральности зависит от употребления в нём временных форм глагола. Как правило, основной временной формой повествования в исследуемых притчах является претерит. Эта временная форма характеризует и определяет тип текста притчи по темпоральности и обозначает его как монотемпоральный (с учётом преобладания авторской речи, оформленной одной временной формой – претеритом).

Приведённая ниже притча характеризуется монотемпоральностью:

Verlorene Zuversicht

«Vor Jahren lebte in einer großen Handelsstadt ein Mann, dem alles, was er unternahm, geling, den niemals ein Missgeschick traf, der von Jugend an bis ins reife Alter nur Freude und Erfolg erlebte und nur Dankbarkeit und Treue erfuhr. Plötzlich verwandelte sich sein Los; er sank ins Elend; er lernte den Undank und die Bosheit kennen, und allem, was er liebte, drohte Gefahr. Ebenso rasch jedoch, als es sich von ihm gekehrt, kam das Glück ihm zurück, ersetzte ihm zehnfach, was er verloren hatte, überschüttete ihn und die ihn teuer waren, von neuem mit seinen reichsten Gaben.

„Nun“, fragte jemand, bist du zufrieden? Du hast es wieder, dein Glück.

„Ach“, antwortete er, wo ist meine Zuversicht! Ich habe ein Glück wieder, das mich schon einmal verlassen hat» (М. Eschenbach) [7].

Отмеченные в тексте временные формы презентного ряда – презент и перфект – оформляют речь персонажей и не влияют на общую претеритальную картину темпоральности притчи.

Следующая особенность темпоральной архитектоники художественного текста заключается в обратимости художественного времени, в ретроспективных и проспективных нарушениях хронологического повествования, поэтому четвёртый признак временной организации притчи как представителя эпоса: ретроспекция и проспекция.

Ретроспекция и проспекция

Проведённый анализ притч показывает, что в большинстве из них, в силу специфики жанровых характеристик притчи, в первую очередь ввиду отсутствия активного развития сюжета, ретроспекция и проспекция редки.

Лишь в трёх притчах (7,5%) обнаружена ретроспекция. Как показывают примеры, это фразовая ретроспекция, встречающаяся как в речи автора, так и в речи персонажей.

«*Als sie nun die Stadt gebaut hatten, kamen sie zusammen und führten einander vor ihre Häuser und zeigten einander die Werke ihrer Hände*» (B. Brecht. *Der Städtebauer*) [7] – речь автора.

«„Ach“, antwortete er „wo ist meine Zuversicht! Ich habe ein Glück wieder, das mich schon einmal verlassen hat“» (M. Eschenbach. *Verlorene Zuversicht*) [7] – речь персонажей.

«*Der Mann, der sich für seine Reise mit vielem ausgerüstet hat, verwendet alles, und es noch so wertvoll, um den Türhüter zu bestechen*» (F. Kafka. *Vor dem Gesetz*) [7] – речь персонажей.

Таким образом, фразовая ретроспекция притчи оформляется сочетанием форм претерита и плюсквамперфекта в речи автора, а также презенса и перфекта в речи персонажей.

Проспективные отношения, а именно фразовая проспекция, обнаружены только в одной из исследованных притч:

«*Er verflucht den unglücklichen Zufall, in den ersten Jahren rücksichtslos und laut, später als er alt wird, brummt er nur noch vor sich hin*» (F. Kafka. *Vor dem Gesetz*) [7].

Итак, притчи характеризуются отсутствием скачков сюжетного движения и активных событий, развивающихся в процессе повествования. Большинство притч обнаруживают последовательную хронологию событий без ретроспективных и проспективных отступлений.

При исследовании **локальной архитектоники притчи** учитывалось положение о существовании двух видов пространства в художественном тексте: физического и функционального. В силу композиционных и жанровых особенностей притчи становится очевидным, что в большинстве случаев в притчах отсутствуют указания на место действия событий.

Лишь в 4 притчах (10%) изображается языковыми средствами физическое пространство (как правило, это предложные конструкции):

«*Da, auf dem Marktplatz, trafen sie sich wieder alle, und auf einem erhöhten Brettergerüst trat jeder hervor und erstattete Bericht über die Art und Größe seines Hauses und die Baudauer ...*» (B. Brecht. *Der Städtebauer*) [7].

«*Unsere Stadt wurde auf der Burst eines schlafenden Riesen erbaut* (W. Schnurre. *Das Los unserer Stadt*) [7].

«*Dieser antwortet: „Auf dem Meer“* (A. Sancta Clara. *Bauer und Schiffsmann*) [7].

Функциональное же пространство указано только в одной притче (2,8%):

«*In einer Partei gab es einen Mann, der zu ängstlich und feige war, um je seinen Kameraden zu widersprechen*» (F. Nietzsche. *Der Märtyrer wider Willen*) [7].

Анализ притч показывает, что характерным для них является очень редкое соотношение конкретных локальных указателей места – автосемантических маркеров и синсемантических обстоятельств, которые в своём сочетании обеспечивают локальную ориентировку читателя внутри притчи как модели художественного пространства. Очень редко автосемантические сигналы места, выступая в качестве основных локальных индикаторов в текстах притч, могут иметь конкретную локальную значимость, а именно:

1) называть точное географическое место;

«*In der Villa Borghese in Rom (в Риме) steht ein hoher Baum ohne Zweige am Rinde*» (R. Musil «*Die Affeninsel*») [7].

2) называть места, соотносимые с художественным пространством:

«*Dieser antwortet: „Auf dem Meer (на море – М.Л.)”*» (A. Sancta Clara. *Bauer und Schiffsmann*) [7].

Весьма скудные указания на пространство и место действия событий, моделируемых в притче, являются характерным грамматическим признаком этого типа текста.

Таким образом, *инвариантами темпорально-локальной архитектоники притчи* следует считать:

1. полное отсутствие темпоральной детерминации событий;
2. преобладание временной подсистемы автора;
3. монотемпоральный характер текста (основная временная форма – претерит);
4. редкие ретроспективные и проспективные нарушения событий. Практически отсутствие «рваного» временного развития сюжетного действия;
5. синсемантический, но однородный характер ограниченных в употреблении локальных маркеров и сигналов, формирующих, в основном – существительными с предлогами, локальную архитектуру. Притча по локальным признакам тяготеет всё же к нулевой локальности (88% текстов).

Перечисленные признаки формируют конкретный *грамматический тип текста-притчи*, обладающего синсемантической (часто нулевой), односистемной темпоральной архитектурой монотемпорального плана (базовая форма: претерит), с редкими ретро- и проспективными нарушениями темпорального построения под влиянием предельно последовательного композиционно-хронологического повествования. Этот тип текста имеет синсемантическую, односистемную, однородную, монолокальную, часто даже нулевую локальную архитектуру.

Литература:

1. Бальбуров Э.А., Бологова М.А. Притча в литературно-критическом и философском сознании XX – начала XXI веков // Критика и семиотика. – 2011. – Вып. 15. – С. 43–59.

2. *Комаров С.Г.* Поэтика притчи в британской драме XX века: проблема конфликта и композиции. – Ярославль: Ремдер, 2011. – 288 с.

3. *Левченко М.Н.* Инвариантные признаки категории темпоральности в текстах немецкой художественной прозы // Проблемы филологии, лингводидактики и межкультурной коммуникации. Межвузовский сборник научных трудов МПУ. – М., 1999. – С. 44–48.

4. *Литературная энциклопедия* / Под ред. В.М. Фриче. – М., 1935. – Т. 10. – 1986 с.

5. *Мельникова С.В.* Притча как форма выражения философского содержания в творчестве Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова: дисс. ... канд. фил. н.– М., 2002. – 164 с.

6. *Толковый словарь русского языка под ред. В. Даля: в 4-х т. – Т. 3.– СПб., 1863–1866. – 508 с.*

7. *Deutsche Parabeln.* – Stuttgart, 1982. – 128 с.